

Аналитическая статья

УДК 130.2

DOI: 10.25688/2078-9238.2024.50.2.6

ЕВРАЗИЙСКАЯ ТЕОРИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ КОНЦЕПЦИЙ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Хилханов Д. Л.

Московский городской педагогический университет,

Москва, Россия,

khilkhanovdl@mgpu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9382-7757>

Аннотация. Наличие Другого всегда является определяющим фактором идентификации и самоидентификации путем маркировки социальной и культурной дистанции. Обозначение и измерение культурной дистанции исследователи чаще всего связывают с языковыми и религиозными факторами.

В качестве методологической основы были взяты теоретические положения евразийской концепции. В культуре именно язык, наряду с религией, является, по Н. С. Трубецкому, системообразующим фактором. В условиях фронта, мест активного взаимопроникновения культур происходило взаимодействие языковых семей. Подобные конструкции оценивались философом как доказательство принципиальной возможности создания единой органической языковой системы, радужной языковой сети. Концепция сохранения гармонического многообразия языков является в евразийстве необходимым условием развития симфонической и социальной личности. Концепцию социальной личности как высшего уровня симфонической личности обосновал Л. П. Карсавин. Философ подчеркивал, что социальных личностей много: семья, род, сословие, правящий слой, народ, человечество. Они являются органическими и соответствуют определенной иерархии.

В современном российском обществе идеологическая концепция евразийства является несомненно актуальной. Сегодня сложность современных процессов культурного и языкового взаимодействия описываются терминами транскультурности и транслингвальности. Данные концепции объясняют специфику современных практик использования различных языков мультилингвами.

© Хилханов Д. Л., 2024

Современные концепции транскультурности и транслингвальности описывают современную ситуацию органичного взаимодействия множества лингвокультур в условиях культурного фронта. В данном процессе обеспечивается сохранность языковых форм как признаков культурной самобытности и уникальности этносов, что соответствует в определенной мере основным принципам теории евразийства о роли языковых факторов при формировании симфонической или социальной личности.

Ключевые слова: евразийство, культурная идентичность, языковые факторы, мультикультурализм, транскультурность, транслингвальность

Для цитирования: Хилханов Д. Л. Евразийская теория в контексте современных концепций межкультурного взаимодействия // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2024. № 2 (50). С. 75–85. DOI: 10.25688/2078-9238.2024.50.2.6

Analytical article

UDC 130.2

DOI: 10.25688/2078-9238.2024.50.2.6

EURASIAN THEORY IN THE CONTEXT OF MODERN CONCEPTS OF INTERCULTURAL INTERACTION

Dorzhy L. Khilkhanov

Moscow City University,

Moscow, Russia,

khilkhanovdl@mgpu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9382-7757>

Abstract. The presence of the “Other” is always a determining factor in identification and self-identification by marking social and cultural distance. Researchers most often associate the designation and measurement of cultural distance with linguistic and religious factors.

The theoretical provisions of the Eurasian concept were taken as a methodological basis. In culture, it is language, along with religion, that, according to N.S. Trubetskoy, a system-forming factor. In the conditions of the frontier, places of active interpenetration of cultures, the interaction of language families took place. Such constructions were assessed by the philosopher as proof of the fundamental possibility of creating a unified organic language system, a “rainbow language network.” The concept of preserving the harmonious diversity of languages is in Eurasianism a necessary condition for the development of a symphonic and social personality. The concept of social personality as the highest level of symphonic personality was substantiated by L.P. Karsavin. The philosopher emphasized that there are many social individuals: family, clan, class, ruling class, people, humanity. They are organic and follow a certain hierarchy.

In modern Russian society, the ideological concept of Eurasianism is undoubtedly relevant. Today, the complexity of modern processes of cultural and linguistic interaction is described in terms of transculturality and translanguality. These concepts explain the specifics of modern practices of using different languages by multilinguals.

The modern concepts of transculturality and translanguality describe the modern situation of “organic” interaction of multiple linguistic cultures in the conditions of the cultural frontier. In this process, the preservation of linguistic forms is ensured as signs of the cultural identity and uniqueness of ethnic groups, which corresponds, to a certain extent, to the basic principles of the theory of Eurasianism on the role of linguistic factors in the formation of a symphonic or social personality.

Keywords: Eurasianism, cultural identity, language factors, multiculturalism, transculturality, translanguality

For citation: Khilkhanov, D. L. (2024). Eurasian theory in the context of modern concepts of intercultural interaction. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 2 (50), 75–85. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2024.50.2.6>

Введение

Культурная идентичность является амбивалентной, поскольку формируется в условиях разнообразной и интенсивной коммуникации с другими этническими группами. Наличие Другого всегда является определяющим фактором идентификации и самоидентификации путем маркировки социальной и культурной дистанции [Нойманн, 2004]. Впервые феномен культурной дистанции был описан А. Фэрнхемом и С. Бочнером в рамках парадигмы культурного шока [Furnham, Bochner, 1986]. Обозначение и измерение культурной дистанции исследователи чаще всего связывают с языковыми и религиозными факторами [Хилханов, 2013].

Методологические основания

Одной из самых оригинальных концепций двадцатого века в области формирования культурной и национальной идентичности, является евразийская теория. Данная теория представляет собой набор достаточно разрозненных концепций выдающихся русских ученых, в первую очередь филолога Н. С. Трубецкого и философа Л. П. Карсавина. Основной идеей евразийцев был отказ от европоцентристской модели и переосмысление феномена российской идентичности с учетом культурного и политического влияния стран Востока. Они были категорически против попыток создания унифицированной общечеловеческой культуры, бездуховных аналогов Вавилонской башни.

Дискуссионные вопросы

В культуре именно язык, наряду с религией, является, по Н. С. Трубецкому, системообразующим фактором. Язык обеспечивает процесс кодирования и декодирования, трансляции и интерпретации культурного наследия.

С помощью языка осуществляется процесс коммуникации как внутри национальных сообществ, так и за их пределами. При этом законы исторического развития этносов таковы, что различия в культуре и языках являются естественными и все попытки уничтожить национальное многообразие может привести к гибели этноса [Трубецкой, 2023, с. 135]. Именно культурное разнообразие является условием формирования высоких духовных ценностей у различных этносов. Языковые различия фактически являются символами культурного разнообразия. Н. С. Трубецкой выделял известные культурно-исторические зоны, в которых культуры отдельных народов имели похожие черты. В условиях фронта, мест активного взаимопроникновения культур происходило взаимодействие языковых семей. Если несколько языков имели значительные черты сходства как результат активного культурного взаимодействия, но не имели общего генетического происхождения, такие объединения ученый назвал языковыми союзами. При этом Трубецкой отмечает тот факт, что такие союзы имеют место быть повсеместно и в отдельных случаях в различных союзах могут состоять одни и те же языки. Подобные конструкции оценивались философом как доказательство принципиальной возможности создания органической языковой системы. «В области языка действие закона дробления приводит не к анархическому распылению, а к стройной гармоничной системе, в которой всякая часть, вплоть до мельчайших, сохраняет свою яркую, но повторяемую индивидуальность, и единство целого достигается не обезличением частей, а непрерывностью самой радужной языковой сети» [Там же]. Концепция сохранения гармонического многообразия языков является в евразийстве необходимым условием развития симфонической и социальной личности, в противовес западной персонализированной. Концепцию социальной личности как высшего уровня симфонической личности обосновал Л. П. Карсавин. Один из основателей евразийства отмечал, что «всякая социальная личность, даже такая, как человечество, конкретна только в индивидуумах; и любой индивидуум иногда актуализует в себе свою семью, иногда свой народ, иногда (например — в акте знания) человечество» [Карсавин, 1992, с. 176]. Философ подчеркивал, что социальных личностей много: семья, род, сословие, правящий слой, народ, человечество. Они являются органическими и соответствуют определенной иерархии. «Среди социальных личностей выделяются и утверждаются наиболее развитые и устойчивые, органические. Они индивидуируют хаос и слагаются в данный иерархически расчлененный организм, в данный аспект великой социальной личности — человечества» [Там же]. Социальная личность подразумевает реализацию принципа гармоничного взаимодействия культур, когда последние несмотря на существующую иерархию не подавляются друг другом [Алексейчева и др., 2024].

В современном российском обществе идеологическая концепция евразийства является несомненно актуальной. В то же время современные процессы формирования и развития информационного общества, увеличение

информационных потоков и рост миграций привели ученых к переосмыслению теоретических концепций межкультурного и языкового взаимодействия [Кастельс, 2000; Хантингтон, 2016; Castells, 2018]. В конце двадцатого века популярной становится концепция мультикультурализма, пришедшая на смену теории аккультурации.

В США волны иммиграции определили развитие стратегий межкультурного взаимодействия от «плавильного котла» до современных мультикультурных дискурсов. Мультикультурализм определенно является как следствием, так и инструментом глобализации, используемым культурным большинством. В принципе мультикультурализм официально выступал против бинарных оппозиций европоцентризма, но, как правило, эта политика реализовывалась в европейских странах силами самих наций-государств. Официальные формы мультикультурализма часто выступают в форме прокрустова ложа стереотипов для культурных меньшинств, не учитывая динамику современности. Данная модель рассматривалась изначально на примерах бывших колоний Британии, в первую очередь Австралии и США. При этом в двадцатом веке мультикультурализм в этих странах существовал в условиях доминирования белой англосаксонской группы. В таких условиях Другой выступает как правило в качестве некоего исключения из правил, элемента экзотики, нежели равноправного партнера в коммуникации.

Европейские страны столкнулись с подобным процессом после Второй мировой войны, уже в результате распада колониальной системы. В традиционной европейской модели нации-государства, основанной на подчеркнутой общности языка, религии и территории, идея гражданского мультикультурализма неизбежно сталкивается с идеями национализма. Как известно, еще в 2010 году сначала канцлер ФРГ А. Меркель, а в 2011 году премьер-министр Великобритании Д. Кэмерон официально признали провальной политику мультикультурализма в своих странах. Данная политика осуществлялась государствами и являлась по своей сути вполне европоцентристской. Политиками был признан неудачным тот факт, что этнические меньшинства не стремятся интегрироваться в европейское культурное сообщество, например мигранты в Германии не изучают немецкий язык и традиции в должной мере. Д. Кэмерон говорил о необходимости «мускулистого либерализма» в условиях главенства единого закона для всех.

Сегодня процессы межкультурного взаимодействия описываются через призму концепции транскультурации/транскультурности [Викулова и др., 2023]. Эта теория считается более применимой для исследования сложных запутанных горизонтальных культурных взаимосвязей, чем европоцентристская по своей сути концепция мультикультурности. В современных исследованиях процессов глобализации применение данной концепции позволяет более полно объяснить особенности современного культурного обмена. Она построена на принципе культурного равенства миноритарных и мажоритарных групп. Она способна объяснить устойчивость культурных форм и образцов

у миноритарных этносов в процессе глобализации. Культурная идентичность демонстрирует свою устойчивость, во-первых, потому что, она шире, чем просто религиозная или лингвистическая; во-вторых, культурная идентичность может существовать и развиваться в невербальных формах. Поэтому культурная дистанция сохраняется даже в ситуации, когда представитель миноритарной культурной группы слабо владеет родным языком. Особенно важным этот факт является в условиях миграции, когда носители миноритарных языков не имеют функциональной основы для его применения. В таких ситуациях маркерами культурной дистанции становятся другие невербальные признаки материальной и духовной культуры, например национальные праздники, традиции, блюда национальной кухни и др.

Процессы глобализации, повсеместное развитие цифровых технологий обусловили значительное изменение социальных и культурных ценностей. Теория постматериалистических ценностей Р. Инглхарта посвящена доказательству того факта, что сегодня в условиях социально-экономической модернизации большинство стран демонстрируют заметное движение к ценностям самовыражения [Inglehart, 2018]. Инициатор Всемирного исследования ценностей Р. Инглхарт анализировал страны в пространстве двух факторов: традиционные — секулярно-рациональные ценности и ценности выживания — самовыражения. Ценности самовыражения основаны на европейских ценностях либерализма и индивидуализма. Выраженная тенденция самовыражения обуславливает значительную диверсификацию культурного пространства. В условиях глобализации миноритарные культурные группы различными способами актуализируют свою культурную идентичность, такой процесс называется глокализацией. Данный процесс становится возможным в силу того, что традиционные культурные маркеры не исчезают в процессе межкультурного взаимодействия, но трансформируются в культурные гибриды.

Впервые модель транскulturации описал Фернандо Ортис на примере культуры Кубы. Данное культурное взаимодействие строится на основе равных партнерских отношений, в условиях децентрации, множественности и локальности. Такая модель построена не по образцу традиционной древовидной структуры, а скорее как диффузное пространство отклонений и различий. Стратегия транскulturности признается новой эпистемой эпохи глобализации, новым типом языкового мышления [Тлостанова, 2004]. Она является определенной оппозицией монокультурного унифицированного сообщества нации-государства. Процессы транскulturности мы наблюдаем во всех сферах общества: от системы образования до военных конфликтов. При этом транскulturность является реальным процессом взаимодействия культур в условиях глобализации, с одной стороны, и выступает как новая эпистема — с другой. Ортис описывал процесс транскulturации в двух этапах: декультурация и неокультурация. Он рассматривал сложный процесс культурного взаимодействия и взаимовлияния, в условиях которого доминирующая культура продуцирует под влиянием культурного меньшинства новые культурные

коды. Культурные дистанции и границы в таких обществах нестабильны и изменчивы. В условиях развития постматериалистических ценностей современное общество постоянно демонстрирует нам тренды инаковости и культурной отличительности как символы борьбы с унификационными последствиями глобализации. Как было отмечено выше, появление культурных гибридов является также признаком транскультурации. Особенно эти процессы заметны в регионах России, где традиционно на протяжении веков существовало этническое и религиозное разнообразие.

Известный философ Б. Андерсон подчеркнул тот факт, что нация «воображается как сообщество..., нация всегда понимается как глубокое, горизонтальное товарищество» [Андерсон, 2016, с. 49]. Здесь он отметил равноправный и ризоморфный характер взаимодействия в таком сообществе. В подобном же ключе рассуждали и евразийцы, актуализируя соборный характер формирования российской идентичности. В модели ризомы коммуникация между элементами структуры носит нелинейный характер, поэтому не существует ни центра, ни периферии. Количество вариаций возможных коммуникаций возрастает кратно. Такое количество проявлений не может быть унифицировано в определенных жестких рамках. В силу подобной множественности, ризома является устойчивой, легко воспроизводится и может продуцировать различные гибридные формы.

Евразийская культурная идентичность определенно является ризоморфной, поскольку является как минимум бинарной в своей основе. Ризоморфность межкоммуникационных связей в условиях постоянной динамики обеспечивает должное равноправие культурных объектов. Они взаимодействуют в условиях неопределенности, незавершенности и изменчивости гибридных культурных форм.

Выражением транскультурности в языке является феномен транслингвальности. Изначально термин «транслингвальность» использовался для описания конкретной языковой практики в программах ревитализации валлийского языка, когда учителя и дети в школе свободно переходили с одного языка на другой в рамках одного занятия [Li, 2018].

Концепция транслингвальности достаточно популярна и известна среди исследователей. Основное определение звучит следующим образом: это «использование полного лингвистического репертуара говорящего без учета строгого соблюдения социально и политически определенных границ названных (и обычно национальных и государственных) языков» [Otheguy et al., 2015, p. 283]. Сегодня транслингвальностью называются фактически все виды речевого общения и речевого общения, где задействовано более одного языка, включая заимствования, гибридизацию языков и пиджинизацию, обращение к интернациональным словам, активизацию металингвистических знаний, использование невербальных средств (жестов, мимики, звукоподражания и др.) [Прошина, 2017; García, Li, 2014]. В теории транслингвальности существование отдельных языков не декларируется как итог становления национальных

государств, но результат социальных, культурных и политических движений [Makoni, Pennycook, 2007, p. 2]. Следует отметить, что существует критическая точка зрения на феномен транслингвальности, которая воспринимается как неполная языковая компетенция и фактическая небрежность речи. Тем не менее данная концепция объясняет специфику современных практик использования различных языков мультилингвами [Хилханова, 2022].

Заключение

Сегодня сложность современных процессов культурного и языкового взаимодействия описываются терминами транскультурности и транслингвальности [MacSwan, 2017]. Данные концепции логично объясняют устойчивость маркеров культурной идентичности, например в условиях миграции [Khilkhanova, 2021].

Культурная идентичность может существовать как в вербальном, так и в невербальном измерении. Для представителей миноритарных групп, которые находятся в иноязычной культурной среде, маркерами дистанции становятся совершенно разные проявления культуры: традиции, национальные праздники, национальная одежда, блюда национальной кухни и др. [Хилханова, Хилханов, 2023]. При этом язык многие представители миноритарных групп изучают уже самостоятельно либо на языковых курсах в интернете, что неизбежно искажает традиционный чистый языковой контекст. При описании признаков транскультурности современные авторы активно применяют термины «нетворкинг» и «гибридизация»; в то же время отдельные ученые отмечают, что в этих условиях культуры взаимодействуют, но не сливаются окончательно, в отличие от процессов аккультурации, сохраняя свою определенную независимость [Тлостанова, 2004, с. 28].

Транслингвальность сегодня является достаточно популярной концепцией в межкультурной коммуникации. В условиях таких практик носитель нескольких языков в полной мере использует свои разнообразные языковые возможности, чем способствует сохранению радужной языковой сети. Это вполне соответствует определению симфонической и социальной личности в евразийской теории. В качестве результата мы наблюдаем процесс фактического сохранения языкового и культурного разнообразия, несмотря на нивелирующий эффект культурной глобализации.

Выводы

Концепции транскультурности и транслингвальности описывают современную ситуацию органичного взаимодействия множества культур в условиях культурного фронта. Такой процесс обеспечивает сохранность языков и языковых форм как признаков культурной самобытности и уникальности этносов, что соответствует основным принципам теории евразийства.

Список источников

1. Нойманн И. Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей / пер. с англ. В. Б. Литвинова, И. А. Пильщикова; предисл. А. И. Миллера. М.: Новое издательство, 2004. 336 с.
2. Furnham A., Bochner S. Culture Shock: Psychological reactions to unfamiliar environments. UK: L.&N.Y., 1986. 298 p.
3. Хилханов Д. Л. Социальная и культурная дистанция: теоретические аспекты // Вестник ВСГУТУ. 2013. № 3 (42). С. 154–157.
4. Трубецкой Н. С. Вавилонская башня и смешение языков // Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. М.: ИНФРА-М. 2023. 267 с.
5. Карсавин Л. П. О личности // Л. П. Карсавин. Религиозно-философские сочинения. Т. 1. М.: Ренессанс, 1992. С. 3–236.
6. Алексейчева Е. Ю. Патриотизм как проект (методология и опыт эмпирического исследования): монография / Е. Ю. Алексейчева, [и др.]; отв. ред. С. В. Черненькая. М.: МГПУ, 2024. 232 с.
7. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ., под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
8. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева. М.: АСТ, 2016. 640 с.
9. Castells M. Rupture: The Crisis of Liberal Democracy. Cambridge: Polity Press, 2018. 176 p.
10. Викулова Л. Г. Язык, культура, социум: *essentia et existentia*: монография / Л. Г. Викулова [и др.]. М.: МГПУ; Книгодел, 2023. 152 с.
11. Inglehart R. F. Cultural evolution: peoples motivations are changing, and reshaping the world. UK: Cambridge University Press, 2018. 288 p. DOI: 10.1017/9781108613880
12. Тлостанова М. В. Постсоветская литература и эстетика транскультурации. Жить никогда, писать ниоткуда. М.: Едиториал УРСС, 2004. 416 с.
13. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.
14. Li W. Translanguaging as a Practical Theory of Language // Applied Linguistics. 2018. Vol. 39, issue 1, February. P. 9–30. DOI: 10.1093/applin/amx039
15. Otheguy R., García O., Reid W. Clarifying translanguaging and deconstructing named languages: A perspective from linguistics // Applied Linguistics Review. 2015. № 6 (3). P. 281–307. DOI: 10.1515/applirev-2015-0014
16. Прошина З. Г. Транслингвизм и его прикладное значение // Полилингвильность и транскультурные практики. 2017. Т. 14, № 2. С. 155–170. DOI: 10.22363/2312-8011-2017-14-2-155-170
17. García O., Li W. Translanguaging: Language, Bilingualism and Education. UK: Palgrave Macmillan, 2014. 165 p.
18. Makoni S., Pennycook A. D. Disinventing and reconstituting languages // Disinventing and reconstituting languages / Eds. by S. Makoni, & A. Pennycook. UK: Multilingual Matters, 2007. P. 1–41.
19. Хилханова Э. В. Языковые идеологии и языковая культура общества в контексте сохранения миноритарных языков России // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2022. № 4. С. 32–40. DOI: 10.20339/PhS.4-22.032
20. MacSwan J. A Multilingual Perspective on Translanguaging // American Educational Research Journal. 2017. № 54 (1). P. 167–201. DOI: 10.3102/0002831216683935

21. Хилханова Э. В., Хилханов Д. Л. Невидимое многоязычие постсоветской миграции как вызов теории транслингвальнойности // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20, № 3. С. 407–425. DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-3-407-425

22. Khilkhanova E. Language ideologies and multilingual practices of post-soviet migrants in western europe from a translanguaging perspective // *Balcania et Slavia. Studi linguistici | Studies in linguistics*. 2021. Vol. 1, № 1. P. 01–30. DOI: 10.30687/BES/0/2021/01/000

References

1. Noimann, I. (2004). *The use of “other”: images of the East in the formation of European identities* (transl. from English. by V. B. Litvinova, & I. A. Pilshchikova; foreword by A. I. Miller. Moscow: New Publishing House. 336 p. (In Russian).

2. Furnham, A., & Bochner, S. (1986). *Culture Shock: Psychological reactions to unfamiliar environments*. UK: L.&N.Y. 298 p.

3. Khilkhanov, D. L. (2013). Social and cultural distance: theoretical aspects. *Bulletin of VSGUTU*, 3 (42), 154–157. (In Russian).

4. Trubeckoj, N. S. (2023). The Tower of Babel and the confusion of languages. In: Trubeckoj, N. S. *The Legacy of Genghis Khan* (pp. 126–139). Moscow: INFRA-M. (In Russian).

5. Karsavin, L. P. (1992) About personality. In: *Religious and philosophical works* (vol. 1, pp. 3–236). Moscow: Renaissance. (In Russian).

6. Alekseicheva, E. Y. [et al.]. (2024). *Patriotism as a project (methodology and experience of empirical research)*. Monograph (ed. by S. V. Chernenkaya). Moscow: MCU. 232 p. (In Russian).

7. Castells, M. (2000). *The Information Age: Economy, Society and Culture* (transl. from English and under the scientific editorship of O. I. Shkaratan). Moscow: Higher School of Economics. 608 p. (In Russian).

8. Khantington, S. (2016). *Clash of civilizations* (transl. from English by T. Velmejeva). Moscow: AST. 640 p. (In Russian).

9. Castells, M. (2018). *Rupture: The Crisis of Liberal Democracy*. Cambridge: Polity Press. 176 p.

10. Vikulova, L. G. [et al.]. (2023). *Language, culture, society: essentia et existentia*: monograph. Moscow: MCU; Knigodel. 152 p. (In Russian).

11. Inglehart, R.F. (2018). *Cultural evolution: peoples motivations are changing, and reshaping the world*. UK: Cambridge University Press. 288. <https://doi.org/10.1017/9781108613880>

12. Tlostanova, M. V. (2004). *Post-Soviet literature and aesthetics of transculturation. To live never, to write from nowhere*. Moscow: URSS. 416 p. (In Russian).

13. Anderson, B. (2016). *Imagined communities. Reflections on the origins and spread of nationalism*. Moscow: Kuchkovo pole. 416 p. (In Russian).

14. Li, W. (2018). Translanguaging as a Practical Theory of Language. *Applied Linguistics*, 39 (1, February), 9–30. <https://doi.org/10.1093/applin/amx039>

15. Otheguy, R., García, O., & Reid, W. (2015). Clarifying translanguaging and deconstructing named languages: A perspective from linguistics. *Applied Linguistics Review*, 6 (3), 281–307. <https://doi.org/10.1515/applirev-2015-0014>

16. Proshina, Z. G. (2017) Translingualism and its applied significance. *Polylinguality and transcultural practices*, 14 (2), 155–170. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8011-2017-14-2-155-170>

17. García, O., & Li, W. (2014). *Translanguaging: Language, Bilingualism and Education*. UK: Palgrave Macmillan. 165 p.
18. Makoni, S., & Pennycook, A. D. (2007). Disinventing and reconstituting languages. In: Makoni, S. & Pennycook, A. (Eds.). *Disinventing and reconstituting languages* (pp. 1–41). UK: Multilingual Matters.
19. Khilkhanova, E. V. (2022). Language ideologies and language culture of society in the context of preserving minority languages of Russia. *Philological Sciences. Scientific reports of higher education*, 4, 32–40. (In Russian). <https://doi.org/10.20339/PhS.4-22.032>
20. MacSwan, J. (2017). A Multilingual Perspective on Translanguaging. *American Educational Research Journal*, 54 (1), 167–201. <https://doi.org/10.3102/0002831216683935>
21. Khilkhanova, E. V., & Khilkhanov, D. L. (2023). Invisible multilingualism of post-Soviet migration as a challenge to the theory of translanguaging. *Polylinguality and transcultural practices*, 20 (3), 407–425. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2023-20-3-407-425>
22. Khilkhanova, E. (2021). Language ideologies and multilingual practices of post-soviet migrants in western europe from a translanguaging perspective. *Balcania et Slavia. Studi linguistici | Studies in linguistics*, 1 (1), 01–30. <https://doi.org/10.30687/BES/0/2021/01/000>

Информация об авторе / Information about the author:

Хилханов Доржи Львович — доктор социологических наук, профессор, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия.

Khilkhanov Dorzhy Lvovich — Dr. Sc. (Sociology), Professor, Moscow City University, Moscow, Russia.

khilkhanovdl@mgpu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9382-7757>